

Глава 24. Пойдём наружу

Цзян Тан: А? И это всё? Он так просто уступил?

Розовый язычок сам собой высунулся наружу. Он осторожно лизнул лежавшую перед ним на вид вполне удачную жареную рыбу.

Пахло вкусно.

Золотистая корочка не была приправлена ничем, но огонь оказался выдержан как надо: снаружи хрустящая, внутри нежная. Особенно хороша была кожа с вытопившимся жирком — хрустела и пахла просто великолепно.

Мясо оказалось свежим и сладким, с лёгкой рыбной ноткой. Но, возможно, у зверька вкусовые ощущения были не такие, как у человека: Цзян Тан этот привкус принимал прекрасно. Более того, он ещё и помнил, что домашним животным нельзя есть приправы, так что без них даже лучше...

Эх, всё пропало. Чем дольше он жил зверьком, тем больше и мысли у него становились звериными. Он уже начал вспоминать правила правильного кормления питомцев. У-у-у, нет, только не это. Когда-нибудь он всё-таки хочет снова стать человеком!

Если снова станет человеком, еды станет куда больше! Вот только как именно ему этого добиться? В прошлый раз, когда Фу Линцзюнь затащил его в тот чёрный кокон, туда попала его душа в человеческом облике. Значит, теоретически возможность превратиться в человека у него всё-таки есть?

Но, как и следовало ожидать от самого благого зверя из водянистой многотысячеглавой новеллы, который в оригинале успел мелькнуть всего в трёх строках и умереть, ничего полезного для справки Цзян Тан из канона так и не получил.

А может, ему попробовать научиться писать? Язык этого мира он уже более-менее понимал, но только при условии, что Фу Линцзюнь, немногословный, как обычно, и здоровяк, привыкший выталкивать по два слова за раз, говорили медленно и коротко. Насильно загруженная в него в призрачной иллюзии языковая система работала не до конца, её нужно было ещё доучивать.

Когда он научится писать, тогда, может быть, и раскроет, что в нём живёт человеческая душа? Фу Линцзюнь прожил тысячи лет и когда-то считался величайшим гением своего поколения. Вдруг он знает какой-нибудь способ, как зверю обрести человеческий облик?

Чем дальше размышлял Цзян Тан, тем более здравой казалась ему эта идея.

Хотя он всего лишь на миг увидел собственную душу в глазах Фу Линцзюня и кроме длинных

волос толком ничего не разглядел, он почему-то был совершенно уверен, что человеком станет очень красивым. Ну а как иначе? Всем известно: когда нечисть принимает человеческий облик, выходит редкой красоты. А у него ещё и исходные данные, возможно, даже круче, чем у какой-нибудь лисицы-оборотня. Так что не стать красивее самого Фу Линцзюня он просто не мог.

Мечтая о том, как вырастет в ослепительного красавца, Цзян Тан рассеянно ел рыбу. Но рыба была небольшая, костей в ней оказалось много. Язык у него был не как у кошки, с шершавыми сосочками, которыми можно соскоблить мясо. У него был обычный мягкий собачий язычок, нежный и уязвимый, и, полизав рыбу несколько раз, он тут же ткнулся в кость.

Цзян Тан, который не умел есть рыбу, но всё равно страшно её хотел, после нескольких кусков был вынужден с болью в сердце отложить идеально прожаренную добычу.

Кто бы мог подумать: в человеческой жизни он рыбу есть не умел, и, став зверем, всё равно не научился.

Собачка вздохнула.

Когда белый комочек внезапно перестал есть и уныло уселся рядом, Фу Линцзюнь будто бы всё это время собирался что-то сказать. Он посмотрел на рыбу, потом на Цзян Тана, который больше к ней не притрагивался, и лицо у него стало не слишком довольным.

— У-и-и...

Красавец, а может, лучше пожарим что-нибудь другое? Что не надо от костей чистить? Он правда не умеет есть рыбу. Кости колются!

Фу Линцзюнь ничего не ответил и молча потушил огонь на траве.

— У-и-и! Не туши! Он ещё хочет есть!

Цзян Тан изо всех сил пытался донести, что хочет мяса, но Фу Линцзюнь уже выжег дотла всё, что осталось от костра, и, сделав несколько длинных шагов, в следующий миг вернулся на меч.

Взметнувшийся край чёрного халата хлестнул его по морде порывом ветра, полного молчаливой обиды, и встряхнул всю белую шерсть.

А потом Фу Линцзюнь перевернулся на мече и снова повернулся к нему спиной.

Цзян Тан: ???

Что? Его барбекю закончилось, даже не начавшись? Фу Линцзюнь, быстро вернись! Он ведь не капризничал. Он правда просто не умеет есть рыбу! Дай ему хотя бы шанс объяснить!

Почему с Сян Сином он понимал друг друга с полуслова, а с этим типом они вечно разговаривали будто на разных языках?

Белый комочек тут же превратился в только что снятую с огня сахарную вату, полную гнева, и, сверкая зубами, принялся мысленно поносить фигуру на мече.

Сян Син, увидев, как пушистый комочек беснуется от бессилия, медленно подошёл и посмотрел на рыбу, от которой Сяо Бай успел откусить совсем немного.

— Сяо Бай. Ешь.

Он ведь сам нюхал: хозяин на этот раз поджарил рыбу очень удачно.

— У-и-и.

Не хочу, не хочу, у неё кости!

Председателю ассоциации любителей мелких зверей хватило двух просительных писков, чтобы безошибочно понять: Сяо Бай хочет есть рыбу, но кости колются.

Шероховатый здоровяк снова занялся тонкой работой. Он раздобыл две крепкие травинки и начал аккуратно вынимать из рыбы белое мясо, складывая его на другой лист. Через некоторое время большая ладонь, на которой лежала маленькая горка очищенного от костей мяса, опустилась перед Цзян Таном.

— Сяо Бай. Ешь.

Увидев эту горку рыбного мяса, Цзян Тан чуть не расплакался от умиления. Он так и знал, что здоровяк — его лучший друг, у-у-у.

Белый комочек радостно бросился к руке Сян Сина, с благодарностью потёрся о неё и начал маленькими кусочками есть ароматное мясо.

Мм, хотя уже и остыло, но у Фу Линцзюня рука и правда оказалась хорошая. Рыба нежная, пахучая, сок так и брызжет. Жалко только, что всего одна. Ему было маловато.

Интересно, когда удастся уговорить Фу Линцзюня снова поджарить ему ещё одну?

Возле зелёного маленького гнезда, окружённого розово-лиловыми цветочками, одна большая и одна маленькая фигуры обменивались теплом и вниманием.

Сян Син, как и всегда, был самым преданным зрителем всех гастрономических выступлений Цзян Тана, а Цзян Тан, очень даже ценя его старания по выниманию костей, ел так, будто каждое движение мордочки — отдельный акт благодарности. Его ватно-мягкая мордашка всякий раз расплывалась в улыбке, как подсолнух, и было видно, что он уже прекрасно усвоил главный закон: милота и нежность покоряют всё.

Солнце тепло лилось с неба, превращая белую шерсть в пушистое облачко. Зверёк сосредоточенно ел, рядом звонко и весело бежал ручей.

Ветер, напитанный сладким ароматом цветов, мягко коснулся их обоих и убежал дальше.

Вся долина Тяньбэй была в этот миг тёплой и спокойной.

Кроме Фу Линцзюня, лежавшего на мече Шифо.

Сначала до него доносился звук шагов Сян Сина и тихое у-и-и пушистого комочка. Потом — низкий голос здоровяка, который что-то бормотал ему в ответ. А чуть позже — едва слышное чавканье.

Судя по всему, ел он с большим удовольствием.

Огонь разжигал он. Рыбу жарил он. Почему же в итоге пушистый комочек согласился есть только после того, как его уговаривал Сян Син?

Фу Линцзюнь, которому стоило всего лишь раз повернуть голову, чтобы увидеть, что зверёк просто не умеет есть рыбу, лежал с каменным лицом, точно покрытый инеем, и совершенно не вписывался в ту мирную, весёлую жизнь, что теперь кипела в долине Тяньбэй.

* * *

Тёплая весна продержалась совсем недолго, и уже через несколько дней солнце начало припекать сильнее. Зелень в долине Тяньбэй с каждым днём становилась насыщеннее, весенняя нежность уходила, уступая место жаркому началу лета.

В эти дни Цзян Тан купался всё чаще. Шерсть у него была слишком густая и пушистая, и если не помыться хотя бы день, ему становилось невыносимо. Конечно, он знал, что слишком частые купания для зверей не слишком полезны, но человеческая душа внутри него не могла терпеть летнюю липкость и духоту. А потому каждый день он ровно в своё время отправлялся вместе с Сян Сином играть в воду.

В тот день утром, когда они уже собирались в своё очередное маленькое путешествие, их остановил Фу Линцзюнь.

— У-и-и? Что такое?

Сян Син тоже не сразу понял, в чём дело. В руках у него ещё была целая охапка только что сорванных пушистых колосков, которыми он хотел развлечь Цзян Тана.

— Хозяин. Куда?

Фу Линцзюнь убрал Шифо за спину и спокойно посмотрел вдаль. Казалось, он смотрит на пейзаж, но на деле — на кого-то, кто был далеко.

— Пока угроза заперта, её никто не воспринимает всерьёз, — сказал он. Подняв с земли пушистый комочек, он сунул его к себе за пазуху. — Но как только угроза выходит из-под контроля, начинается настоящая паника.

Долина Тяньбэй держала Фу Линцзюня в плену тысячи лет. Те, кто издали боялся его, ненавидел, строил против него козни и одновременно не осмеливался переступить границу, всё это время неотрывно следили за этим местом.

— А как, по-твоему, они себя поведут, если угроза, которая вырвалась из-под контроля, вдруг ещё и бесследно исчезнет?

Паника станет ещё сильнее.

Цзян Тан понял, что он имеет в виду.

Это почти как с пауком. Человек, который боится пауков, увидев неподвижного паука в углу, испытывает тревогу уровня три. Если паук шевельнулся — тревога уже десять. А если он внезапно исчез, то уровень ужаса взлетает до бесконечности.

Неизвестность — самый страшный источник страха.

Сян Син всех этих тонких расчётов не понимал. Он знал только одно: хозяин сказал — значит, нужно идти. И тут же решительно шагнул следом:

— Хозяин. Куда. Сян Син. Туда.

Фу Линцзюнь, держа Цзян Тана на руках, пошёл к самой границе запечатанной земли. Теперь долина Тяньбэй уже почти ничем не отличалась от внешнего мира, кроме одного —

прозрачной печати, которая по-прежнему держала его внутри.

Раньше у него не было сил вырваться из этой клетки. Но тысячи лет культивации дали ему возможность теперь тратить силу так, как он пожелает. В прошлый раз он ценой половины своей мощи прорвал в печати дыру и устроил бойню в Цзэяне. А теперь собирался разнести печать в клочья, чтобы все, кто наблюдал за ним, узнали: Фу Шэн из Гуанлина, Фу Линцзюнь, больше не заперт в жалкой горсти земли.

На ладони у него вспыхнул громовой огонь, и он прижал её к прозрачной преграде вокруг долины Тяньбэй.

Бледно-фиолетовые молнии расцвели на кончиках пальцев и быстро, как огонь по сухой траве, побежали во все стороны.

Рука его поднялась вверх, чёрный рукав соскользнул, обнажив крепкое бледное предплечье. Всё больше и больше громового огня рождалось у него в ладони и расходилось по кругу. Потом эти молнии и пламя начали сплетаться, принимая очертания феникса. В длинном хвосте огонь перемежался с молниями, словно всё это вот-вот должно было взорваться.

Чёрные волосы Фу Линцзюня взметнулись вверх, а его бледное, холодное лицо сделалось лицом демона, только что вышедшего из ада. В следующий миг феникс, заключавший в себе громадную силу, взлетел из его ладони и с чудовищной мощью ударил в само небо.

Сначала послышался только тонкий звук столкновения.

Потом — режущий уши треск и жестокий звук рвущейся преграды.

Печать, когда-то поставленная святым даосом и другими владыками, начала яростно дрожать. Бледно-фиолетовые молнии и золотисто-красный огонь хлынули из тела феникса, дождём метеоров обрушиваясь на прозрачную преграду.

Печать загудела всё громче, затряслась ещё сильнее, а потом весь огонь и все молнии разом рванули наружу и разорвали в клочья всё, что пыталось их удержать.

— Бум!

Прежде чем оглушительный грохот ворвался Цзян Тану в уши, ладонь Фу Линцзюня уже накрыла его мягкие большие уши.

Огромная сила расцвела в воздухе беззвучным, ослепительным фейерверком. Цзян Тан запрокинул голову и смотрел, как один за другим падают и исчезают осколки разрушенной печати, и в памяти его всплыла фраза из оригинала:

«Кровь и месть, бедствие и карма — в тот миг, когда Фу Шэн покинул долину Тяньбэй, всё это вошло в бесконечный круговорот».

Кровь и месть, бедствие и карма... Если бы только ему дали ещё один шанс, он бы ни за что больше не жаловался, что эта новелла длинная и водянистая. Он бы сделал хоть десять тетрадей конспектов, но выучил бы весь дальнейший сюжет наизусть!

Примечание автора:

День четвёртый: раз уж всё пошло прахом, жена всё равно исчезла, так что пора заниматься делом. Мужчина должен ставить карьеру на первое место.

Пошли, пошли на новую карту, хе-хе.

<http://bllate.org/book/17032/1601810>